

Русская литература

В.В. Шадурский, М.В. Степанова

А.И. ГЕРЦЕН В ВОСПРИЯТИИ МАРКА АЛДАНОВА

Статья посвящена изучению восприятия Марком Алдановым творчества А.И. Герцена. Дается характеристика аллюзиям, цитатам из произведений Герцена, анализируются художественные образы Алданова, связанные с именем, идеями и поступками Герцена.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, традиция, интертекст, А.И. Герцен, И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, М.М. Карпович, М.А. Алданов.

А.И. Герцен, оказавшийся в эмиграции из-за свободлюбивых взглядов и необходимости выражать свои неудобные идеи в печати, несомненно, стал символической фигурой для писателей русского зарубежья. С учетом его политической позиции, масштаба личности, литературного таланта лучшего предшественника-изгнанника писателям эмиграции вряд ли можно было отыскать. Однако что касается оценок литературного наследия и политической деятельности Герцена, то, наверное, самые высокие среди всех существующих эмигрантских оценок обнаруживаются у М.А. Алданова. Более того, Алданов всерьез рассматривал возможность монографического обращения к личности и творчеству Герцена. Так, в одном из писем В.В. Набокову он скажет, что хотел бы написать книгу о Герцене, но «издателей этим не соблазнишь»¹. К сожалению, читатель не увидел не только книги, но даже очерка о Герцене.

А между тем политическая и мировоззренческая симпатия Алданова к Герцену очевидна. Герцен всегда оставался либералом, и хотя ему выпала судьба стать провозвестником реформ во благо русского мужика, революционером и по сути, и по характеру

действий, общественных поступков он никогда не был. Алданов же в молодые годы являлся членом трудовой народно-социалистической партии, которая была малочисленной и непопулярной, возможно потому, что исключала террор как средство политической борьбы. Это обстоятельство нужно учитывать, притом что Алданов был человеком, который всю жизнь интересовался как историей свободной мысли, так и политикой.

Современников, недооценивавших или поучавших Герцена, по-своему оценило время. Но в XX в. Алданов, ироничный к множеству исторических прогнозов и политических пророчеств, очень часто оказывается на стороне Герцена. В Герцене-публицисте он отмечает необыкновенную пронизательность. И хотя в алдановских текстах невозможно увидеть длинных пассажей и дифирамбов в честь создателя «Былого и дум», в течение долгих лет Алдановым цитируются слова из произведений и писем Герцена, фразы современников о его поступках и жизни.

Так, в публицистической книге «Армагеддон» (1918), рассуждая о мировой войне и революции, Алданов включит в свой внутренний диалог реплику друга Герцена – И.С. Тургенева:

«Это могло случиться только в России». Кто знает?

«Шопенгауэра, брат, надо читать, Шопенгауэра», – советовал Тургенев Герцену в период несравненно более легкого кризиса в жизни Европы. Того Шопенгауэра, который, умирая, оставил большую часть своего состояния солдатам, восстановившим «порядок» в 1848 г. А меньшую часть – своей собаке².

Казалось бы, это мелочь, но какое осмысление стоит и за ней.

Во-первых, слова, прозвучавшие в письме И.С. Тургенева, представляют Шопенгауэра как своеобразного «отрезвителя» современников³, в том числе и поклонников идеалистической философии Гегеля, весьма популярной в Европе первой половины XIX в. и очень важной для развития идей Герцена. Но после романтического идеализма остается недоумение, порожденное контрастной реальностью. Вместо концепции, воодушевленно обещавшей прогресс и перспективу для человечества, появляется то, что совершенно приземлено, но четко объясняет, как жить человеку с мыслью, что его жизнь непременно завершится смертью.

Однако Герцен воспринял эти строки как напоминание об основателе «философии пессимизма» и как попытку Тургенева спрятать свое мнение за аргумент авторитетной фигуры. В одном из ответных писем Герцен будет выговаривать Тургеневу за этот пример:

...полнейший нигилизм *устали, отчаяния* в противоположность нигилизму *задора и раздражительности* у Чернышев[ского], Доброл[юбова] и пр. Доказательство тебе в том, что ты выехал на авторитете идеального нигилиста, буддиста и мертвиста – Шопенгауэра (а впрочем, я тебе благодарен, что ты мне его напомнил)⁴.

Чего стоит последнее слово «мертвист». Издатель «Колокола», не принимающий философию Шопенгауэра, не понял довод Тургенева, и тот был вынужден обратиться к пояснениям: «...какой-то мудрец сказал, что нет таких умных людей, которые умели бы освободиться от самых очевидных недоразумений. Неужели это изречение должно оправдаться над нами? ...я называю Шопенгауэра – ты упрекаешь меня в поклонении авторитету»⁵. Тургенев очень серьезен.

А вот его слова преподносятся в алдановском комментарии иронично. Можно ли поверить в торжественную убедительность идей Шопенгауэра, поступки которого вызывают удивление у здравомыслящих людей? И если завещание наследства собакам – это обдуманый и трезвый шаг мыслителя, то не лучшее ли это доказательство его чудовищной мизантропии? Такое допущение превращает советы Тургенева в утопию.

Герценовский интертекст в художественных произведениях и очерках Алданова невелик, в одной фразе, в одном упоминании могут соединяться и аллюзии на творчество, и комментарии некоторых идей, и эмоциональные, в алдановскую, конечно, меру, эскапады.

Один из главных текстов Алданова, осмысляющих революцию, роман «Ключ» (1928–1929), содержит множество идей, оценок, соотнесений образов, пафоса русской классической литературы и атмосферы революционных событий. Для Алданова естественно, что персонажи романа, живущие в Петрограде 1917–1918 гг., некогда читавшие или в это время читающие Герцена, задумываются о связи его деятельности с настоящим ходом истории. Так, во время очередной «философской» беседы следователя тайной полиции Федосьева с химиком Брауном звучат «прозорливые» слова:

Если у нас в самом деле произойдет революция, то главные неприятности могут быть от смешения третьего сорта с первым. Несчастье революции в том и заключается, что к власти рано или поздно приходят люди третьего сорта. С успехом выдавая себя за первосортных... Герцен – революция, и Кременецкий – революция. Но, право, Герцен за Кременецкого не отвечает⁶.

Очевидно, что имя Герцена упомянуто не как имя образцового революционера, но как имя человека в высшей степени благородного, хотя и нежизнеспособного, вернее, не умеющего выживать в агрессивной среде революционеров-практиков, людей «третьего сорта».

В романе «Бегство» (1930–1931) Виктор Яценко, приобщенный Брауном к изготовлению взрывчатки для контрреволюционеров, сопоставляет реальность с книжным опытом, полученным от Герцена: «Он читал в “Былом”, в воспоминаниях разных революционеров, о динамитных лабораториях, о конспиративных квартирах. Но все это он представлял себе совершенно иначе»⁷. Так образ Герцена формируется в виде символа благородного и бескорыстного борца за свободу, почти что книжного романтического героя.

И все же важны не отдельные реплики, а целостное мировоззрение. Агностик Герцен, стремящейся к свободе личности, необыкновенно важен для понимания смысла жизни современного человека, который при всей своей ограниченности эгоизмом и индивидуальными желаниями не представляет жизнь вне социума. На наш взгляд, М.М. Карпович очень точно фокусирует внимание на том, что составляет феномен Герцена, – то, что Алданов пытается передать через художественные идеи и образы:

Отсутствие определенного порядка как во вселенной, так и в человеческой истории открывает свободному человеку возможность делать то, на что он способен... Он говорит о человеке, стоящем на краю пропасти и смотрящим в ничто: нет участия, помощи ни от Бога, ни от вселенной, потому что Бога нет, а во вселенной нет смысла и цели. Это слепая сила, и ничто больше. И все-таки я думаю, что в своей основе Герцен не был пессимистом, и здесь проходит связь между его общей философией и его политической и социальной философией...⁸.

Благодаря опыту и деятельности Герцена Алданов сохраняет убежденность и в правоте своего выбора – выбора свободной жизни за пределами родины. Свободу он воспринимает как непрременную ценность, которая определяет и нравственный порядок писателя.

Эмигрантский характер личности и творчества Герцена станет тенью самого Алданова:

Мы здесь уже много лет занимаемся тем, что Герцен назвал «самочитательным печатаньем». Я всегда думал, что люди сделали профессию из того, что никогда профессией быть не должно: из искусства⁹.

Самоирония Алданова опирается на редкую фразу – слова, произнесенные Герценом в письме к Н.П. Огареву: «Все, что мы печатаем за границей по-русски, – филантропия и себяобман, ничего не идет. <...> Из-за чего же мы здесь будем харчиться – на самочитательное печатание»¹⁰.

Но фраза Герцена, брошенная в финансовом контексте журнальной жизни, становится метафорой отсутствия читателя и бесполезности эмигрантского послевоенного слова. Таким утонченным, литературным способом Алданов выражает свою горечь от тяжелого осознания одиночества литераторов зарубежья.

В очерке «Мережковский» (1942) Алданов даст характеристику контексту, в котором развилась «литературная политика» Мережковского и упрекнет литературную критику эмиграции в чрезмерной резкости. Слова Герцена станут фоном, помогающим выразить Алданову положительное отношение к успеху произведения старшего современника:

Полагалось поругивать даже «Леонардо», – одну из не столь уж многочисленных русских книг, ставших общеизвестными на Западе. А.И. Герцен писал в 1869 г. своей дочери: «Вчера мы все обедали у Гюго... Старик очень мил. Саша (А.А. Герцен. – М. А.) судит по-студенчески, в Гюго есть сумасшедшие стороны, – но неужели он может думать, что можно владеть умами во Франции с 1820-х годов до 69 – даром!». Эта, в общей форме верная, мысль может быть отчасти отнесена и к знаменитой книге Д.С. Мережковского: ее читают больше сорока лет на очень многих языках, – «даром» такого не бывает¹¹.

Если фразы из переписки Герцена служат Алданову аргументами для его точки зрения, то очевидно, насколько хорошо автор «Ключа» знает герценовский эпистолярый, насколько легко мыслит его ассоциациями, как помнит и любит все наследие строптивого вольнодумца.

Пожалуй, самым большим герценовским интертекстом обладает роман «Истоки» (1943–1946). Одно имя автора «Былого» упоминается 20 раз. Известный политик-эмигрант Бакунин, введенный в романе как историческое лицо, участвует в нескольких сценах. Алданов изобразил его с яркой речевой характеристикой. В речи Бакунина имя Герцена используется так часто, будто Александр Иванович – член его семьи. Вот и Мамонтову после знакомства он говорит: «Немцы хуже, гораздо хуже! Нехорошо так говорить, но каюсь, я терпеть не могу немцев! Не во многом я сходилсь

с покойным Герценом, а в этом сходилась. Он тоже немцев не выносил...»¹². В других эпизодах Герцен оказывается важным оценщиком и в беседе, и в обеде:

Вот несут обед! Благодарите судьбу, а то я вас заговорил! Я и Герцену, и Маццини, и Прудону, и Тургеневу не давал слова сказать, хоть они все были мастера поговорить (с. 462);

<...> Бакунин с тем же аппетитом принялся за бифштекс.

– Герцен тоже всегда изумлялся моим порциям. Сколько он меня кормил и поил, покойник!.. Он думал, кстати, что он гастроном. А на самом деле аппетит у него был как у старушки (с. 464).

Другой исторический персонаж этого романа – Герцен – так и остается внесценическим, но благодаря веселым комментариям Бакунина читатель получает довольно-таки обстоятельную характеристику автора «Былого», который словно становится участником действия:

В России только разбойник и был настоящим революционером!.. Ну да, ты носа не вороти! А то кто же: декабристы, что ли? Или Герцен? Герцен был либеральный барин, сибарит, фрондер и чистоплюй, вообразивший себя революционером, вот как он воображал себя гастрономом! Умница был, талантливейшее перо, но революционер он был курам на смех. Он всю жизнь рефлексировал на самого себя, а это для революционера вещь вреднейшая и невозможная (с. 466).

В этом же романе представлена беседа о значении императора Александра Второго, в ней участвуют профессор Павел Васильевич Муравьев, Мамонтов и Черняков. Профессор учителствует:

Не верьте вы, молодые люди, тем, кто говорит, будто большая часть дворянства стояла за освобождение крестьян. Да и в самом деле, вот ведь и на Западе из-за какого-нибудь пустякового нового налога поднимается дикий вой, а тут дело шло не о налоге, а о потере доброй половины состояния. Герцен, конечно, хотел освобождения, но сколько же дворян Герценов? (с. 535).

Ироничный тон очередного любимого алдановского героя, конечно, передает эмоцию автора. Но не слишком ли много алдановской иронии рассредоточено в персонажах? Да и каков ее смысл?

Вот профессор Муравьев возвышает свои мысли за счет принижения общественно-политического значения Герцена: «...без Тургеневых и Герценов эмансипация все-таки могла бы состояться, а без Александра Второго русские крестьяне, то есть лучшее, что есть в нашем народе, и по сей день были бы рабами» (с. 536).

Другой случай: «богатенький» философствующий Мамонтов в Берлине «с наслаждением прочел Герцена» (с. 102) и дерзает мыслить выше автора «Былого»:

Герцен так восхищался Шиллером и уж ему-то это никак не идет: в герценовский «идеализм» я поверю только тогда, когда поверю в свой собственный. Его «идеалистические» страницы производят такое впечатление, будто тут по ошибке пропущены кавычки или будто ему под идеалистическим соусом почему-то удобнее высмеять еще кого-либо из добрых знакомых, особенно из бедных эмигрантов. Так он и «благословлял» Шиллера... (с. 107).

Если невозможно стать цельным человеком, не лишившись человеческих радостей, — это не для Мамонтова; но в отсутствии цельности, искренности чувств и поступков он упрекает и Герцена:

И если уж говорить себе всю правду, то ведь в самом деле мне моя нынешняя бытовая свобода дороже всякой другой, какой угодно другой... Пусть я «мещанин», но Герцен, так страстно обличавший то, что он назвал этим удобным словом, ни для чего не пожертвовал своей бытовой свободой, покоившейся на его богатстве. Я в свободных Соединенных Штатах только и думал, что о возвращении в Россию, которую принято называть рабской, хотя у нас крепостные были освобождены раньше, чем в Америке рабы (с. 95).

Очевидно, что схематичный подход Мамонтова, а именно — требование от классика быть идеалом и образцом в повседневной жизни, вызывает иронию, но не в отношении Герцена, а самого желчного «мыслителя». Широту натуры Герцена, как и широту, сложность Толстого ему не понять, слишком непомерны эти личности. А в поведении Мамонтова, на бытовой почве снижающего гений великого современника, угадывается поведение человека толпы, милого, но неразвитого, получающего большое удовольствие от поиска обязательных черных пятен на светлых образах.

И в последующем повествовании Герцен, его идеи и образы становятся фоном для рефлексии алдановского персонажа:

Однако и классики несколько его раздражали, точно они несли на себе ответственность за то, что произошло с Россией, с народовольцами, с ним самим (с. 524).

Несправедливость упрека русским писателям, переданного речью повествователя, продолжена еще большей инвективой теперь уже от лица персонажа:

Герцен еще больше прежнего раздражил его тем, что всегда во всем был прав, даже тогда, когда якобы себя обвинял и каялся. «А его сочувственное издевательство над нищими эмигрантами просто гадко. Понося “мещан”, он эти самые мещанские блага жизни любил не меньше, чем они. То, что он заполучил к себе Гарибальди, это самая обыкновенная publicity и lion hunting... И не верю я в его слезы над “работниками”, в его сожаление, что он не взял ружья, которое протягивал ему “работник” на баррикаде Place Maubert, – почему же ты не взял?»¹³.

Таким образом, отношение к Герцену, так же, как и отношение к Л.Н. Толстому в других произведениях Алданова, становится своеобразным индикатором духовной жизни и прозорливости персонажа.

«Ульмская ночь. Философия случая» (1953) – не только книга философских диалогов, но и книга об истории философии. Однако интересно, что имя Герцена, которого Алданов называет создателем русской субъективной философии, оказывается представлено здесь гораздо реже других русских философов и писателей. Только в пятой главе – «Диалог о русских идеях» – собеседник Л., продолжая утонченную интеллектуальную беседу, произносит слова, которые уведут ее на новый виток: «Герцен был однако революционер...». Собеседник А. тут же подхватывает, произнося: «Очень умеренный, без всяких “бескрайностей”». И его страницы о “мещанстве”, по-моему, худшее из всего, что он написал...»¹⁴. Эта реплика оказывается важной для характеристики образа мыслей и поведения самого Герцена, воспринимавшего мещанство как силу, противодействующую яркому, самобытному, нарушающему покой. И все же повторное использование мотива «худших страниц» о мещанстве – это след алдановской эстетики, внутреннее благородство писателя; редкий кодекс чести не позволяли ему опускаться до мещанской низости как в изображении героев истории и литературы, так и в эмигрантской повседневности.

В романе «Бред» (1955) снова появятся слова Герцена о патриотизме. Шпион Шелль в бреду пытается завербовать советского ученого Майкова и удивляется его отказу уехать вместе со своим открытием на Запад: «Вероятно, все же из патриотизма?.. Собственно Герцен говорил... патриотизм самая ненавистная из добродетелей, я ее всю жизнь терпеть не мог»¹⁵. Разумеется, в этом проявляется не космополитизм, а желание Герцена видеть свободу во всех ее проявлениях. Примечательно, что цитата из Герцена появляется в болезненном состоянии, в бреду шпиона. Шелль весьма темного происхождения, но воспитан русской культурой, а это – знак благородства, бескорыстия и порядочности. Вспоминание в бреду «ненавистной добродетели» становится отголоском внутренней муки, страдания от расщепленности души, отсутствия цельности жизни и чувства родины.

В романе «Самоубийство» (1958), вышедшем уже после смерти Алданова, появляется единственная фраза, имеющая отношение к Герцену, и связь с Герценом преподносится иронично – не сами автором, а его персонажем, руководителем большевиков. Ленин накануне съезда партии размышляет о Плеханове, оценивая его как возможного претендента на лидерство, и видит в нем лишь декоративную фигуру:

Будет стоять на трибуне в длиннополом наряде, конечно, со скрещенными ручками, у него всегда скрещенные ручки, не то Наполеон, не то Чаадаев, – ох, надоело. Будет сыпать цитатами; и тебе Дидро, и тебе Ламеттри, и тебе Герцен¹⁶.

Здесь Герцен упомянут в ряду мыслителей, с гением которых самодовольный Плеханов соотносит себя совершенно карикатурно. Но, разумеется, это мелочь, деталь.

О глубинной связи Алданова с наследием Герцена можно только догадываться. О чем-то можно узнать из контекста, из окружения писателя. Так, в отношении творчества Алданова необыкновенно важна позиция его друга М.М. Карповича. Некоторые постулаты автора «Ключа» Карпович прямо соотносит со взглядами Герцена. Например, в статье «Алданов и история» он впервые объяснит философский подход Алданова к историческому процессу, отходя от стереотипного представления о том, что случай в представлениях Алданова – это главная действующая сила в мироздании:

История, не руководимая ни Провидением, ни мировым разумом, ни человеческой волей, тем не менее имела свои цели – и притом самые благие: отвечала на нужды эпохи, вела человечество по пути

прогресса и т. п. Против такого антропоморфизма, против наделения материала в природе или в истории – человеческими атрибутами разума и воли, больше ста лет назад восставал еще Герцен. История сама по себе никаких целей не имеет и иметь не может. Только человеческий разум и человеческая воля могут вносить смысл в стихийный исторический процесс¹⁷.

Сближение позиции агностика Алданова с позицией Герцена имеет очень сильную аргументацию именно в отношении к разуму и признанию значения личности человека.

Таким образом, в различных текстах Алданова – в публицистике, литературно-критических статьях, очерках, романах – проявляется знание герценовского слова. Это знание становится многоаспектным: то являет собой аргумент, то – средство осмысления и критики, то – средство рефлексии главного персонажа. Философия, публицистика Герцена, торжествующие в них свобода и либеральная мысль наиболее привлекательны для Алданова. Более того, алдановское отношение к либеральным ценностям имеет во многом герценовскую основу. И вместе с тем Герцен для Алданова – это не безусловный гений, а писатель, политик, который делал ошибки, но совершил главное – обозначил традицию свободного слова, которой так впоследствии дорожили русские эмигранты и которой, на их взгляд, не хватало советскому писателю и читателю.

Примечания

- ¹ Алданов М.А. Письмо В.В. Набокову. 05.11.1941(Цит. по: «Как редко теперь пишу по-русски»: Из переписки В.В. Набокова и М.А. Алданова (1940–1956) / Предисл. А. Чернышева и Н. Ли; Публ., подгот. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 130.
- ² Алданов М.А. Армагеддон // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки. Воспоминания. Портреты современников / Сост. Т.Ф. Прокопов. М.: Интелвак, 2006. С. 54.
- ³ Тургенев И.С. Письмо А.И. Герцену. 23 октября (4 ноября) 1862. Париж // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Письма. Т. 5. С. 65.
- ⁴ Герцен А.И. Письмо И.С. Тургеневу. 17 (29) ноября // Герцен А.И. Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. / Под ред. М.К. Лемке. Петербург: Государственное изд-во, 1920. Т. 25. С. 552.

- ⁵ *Тургенев И.С.* Письмо А.И. Герцену. 21 ноября (3 декабря) 1862. Париж // Тургенев И.С. Указ. соч. С. 74.
- ⁶ *Алданов М.А.* Ключ // Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 3. С. 216.
- ⁷ *Алданов М.А.* Там же. С. 439.
- ⁸ *Карпович М.М.* Герцен // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России. М.: Русский путь, 2012. С. 144.
- ⁹ Письмо М.А. Алданова – Н.А. Тэффи, цит. по: «Приблизиться к русскому идеалу искусства...»: Из литературной переписки М.А. Алданова // Октябрь. 1998. № 6. С. 142–163.
- ¹⁰ *Герцен А.И.* Письмо к Н.П. Огареву. 17 (5) марта 1869, Ницца // Герцен А.И. Указ. соч. Т. 30. С. 62.
- ¹¹ *Алданов М.А.* Мережковский // Алданов М.А. Армагеддон. Записные книжки... С. 461.
- ¹² *Алданов М.А.* Истоки // Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. М., 1991. Т. 4. С. 457. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием номера страницы.
- ¹³ Там же. Т. 5. С. 524.
- ¹⁴ *Алданов М.А.* Ульмская ночь // Алданов М.А. Соч.: В 6 кн. М., 1996. Кн. 6. С. 350.
- ¹⁵ *Алданов М.А.* Бред // Алданов М. Избранное. М.: Гудьял-Пресс, 1999. С. 520.
- ¹⁶ *Алданов М.А.* Самоубийство // Алданов М.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 18.
- ¹⁷ *Карпович М.М.* М.А. Алданов и история // Новый журнал. 1956. № 47. С. 259.